

Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики*

Н. Н. ФЕДОТОВА

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИД РФ)

Статья посвящена кризису идентичности в XXI в., связанному с нелинейной социокультурной динамикой общества. Реакцией на это является переход к плюралистическим трактовкам идентичности или отказ от нее. Автор предлагает концепцию процессуального характера идентичности.

Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, процессуальный характер идентичности, нелинейная социокультурная динамика, натуралистический эссенциализм, конструктивизм.

Идентичность в традиционных обществах сохраняла стабильность, проявлялась в примордиальных (изначальных, укорененных в природных или квазиприродных, неизменных) свойствах. Изменение идентичности и превращение ее в проблему — продукт модерна. Однако интерес к ней возник не сразу. Причина этого в более позднем, чем начало изменения идентичности, возникновении социологии (XIX в.). И возникнув, она не сразу обратилась к проблеме идентичности и ее изменений. Долгое время (конец XIX в. — конец 1960-х годов) преобладали структурно-функционалистские концепции, согласно которым социальные структуры сдерживают неконтролируемые изменения. Поле идентичности в этих концепциях было «распахано» без предположений о возможности возникновения новой динамики идентичности. В качестве меняющейся и проблематизируемой величины идентичность была осознана начиная с 1970-х годов как в модернистских, так и в постмодернистских концепциях. В них отмечалась новая динамика идентичности, адекватная нелинейной социокультурной динамике общества, усилившейся в конце XX–XXI в., высокой скорости изменений, усилению рисков, синергичных эффектов и диалектики глобального — локального.

Исключительно турбулентным временем явились 1990-е годы. Распались коммунистический блок, Советский Союз; глобализация совместила локальный и глобальный контексты, невиданные размеры приняла миграция.

Получило подтверждение различие простых, устойчивых к внешним воздействиям, и сложных систем, которые могут измениться даже под влиянием малых возмущений. В развитии усилились тенденции нелинейной динамики, наличие точек бифуркации, в которых теряется устойчивость сложившихся трендов и создается возможность «развилки» в направленности процессов и динамике систем. Нелинейность, турбулентность (Кравченко, 2008), склонность систем к риску, синергичные эффекты, рождение порядка из хаоса, которое стало наблюдаться и в природе, и в обществе (Пригожин, Стенгерс, 1986), равно как тенденции аномии, анархии, апатии, ставили вопрос об идентичности теоретически и практически.

Идентичность и ее изучение в процессах с нелинейной социокультурной динамикой

Эти социокультурные изменения сделали идентичности менее устойчивыми и внесли в методологию их анализа существенные изменения.

С 1990-х годов в связи с глобализацией, распадом коммунизма, появлением новых лидеров развития на Востоке, глобальными экономическими кризисами на первый план вышли не проблемы малых групп, этносов, наций и классов, а проблемы стран — национальных государств, значение которых несколько уменьшилось глобализацией, обострив противоречия глобального и локального. Именно это позволило С. Хантингтону дать определе-

* Статья написана при поддержке РГНФ (грант №11-03-00330 «Процессуальный характер идентичности: факторы изменения»).

ние идентичности как «смысла себя» не только для индивидов, малых групп и больших социальных образований (этносов, наций, классов), но и для стран, а кризиса идентичности — как потери смысла, затронувшей все общество и страны (Huntington, 2004). Он писал: «Японцы испытывали подлинную агонию, решая вопрос, делает ли их место, история и культура Азией или их богатство, демократия и современность Западом. Иран был описан как «нация в поисках идентичности», Южная Африка характерна «поиском идентичности», Китай — вопросом «о национальной идентичности», в то время как Тайвань был вовлечен в «распад и пересмотр национальной идентичности». Сирия и Бразилия со своей стороны находятся перед лицом «кризиса идентичности», Канада — в «продолжающемся кризисе идентичности», Дания — в «остром кризисе идентичности», Алжир — в «деструктивном кризисе идентичности», Турция — в «уникальном кризисе идентичности», ведущем к жарким дебатам «о национальной идентичности», и Россия — в «глубоком кризисе идентичности», заново открывающем классические дебаты девятнадцатого века между славянофилами и западниками относительно того, является ли Россия «нормальной» европейской страной или отчетливо отличной от них «евразийской державой». Не установилась единая идентичность Германии, сомневаются в своей общей идентичности британцы. Кризис национальной идентичности стал глобальным феноменом» (там же: 12–13).

В условиях всесторонних перемен идентичность перестала быть устойчивой, что привело к кризису не только идентичности, но и методологии ее изучения. Появились концепция плюрализма идентичностей, по существу подменяющие идентичность социальными ролями (Sen, 2006). Возникли представления, что в новых условиях термин «идентичность» непродутивен.

Наиболее радикальная критика концепций идентичности принадлежит социологу из Калифорнийского университета Р. Брубейкеру, книга которого «Этничность без групп» опубликована и на русском языке. Он пишет: «Этот термин (идентичность. — Н. Ф.) нагружается

огромной аналитической работой, по большей части — легитимной и важной. Но это также глубоко двойственный термин, который разрывается между «жестким» и «слабым» смыслами, между группистскими послылками и конструктивистскими уточнениями, между коннотациями единства и множественности, тождественности и различия, постоянства и изменения. «Идентичность», понятая в строгом смысле как предполагающая исключительную, неизменную, фундаментальную тождественность, значит обычно слишком много; а понятая в слабом смысле — как множественная, текучая, раздробленная, договорная, она значит обычно слишком мало... работа, выполняемая «идентичностью», могла бы быть сделана более удовлетворительно несколькими группами менее нагруженных терминов, таких как идентификация и категоризация, самопонимание и социальная локализация, общность и связанность» (Брубейкер, 2012: 18–19).

Два подхода к идентичности

При изучении идентичности выделяются *два подхода — натуралистически-эссенциалистский и конструктивистский*. Первый основан на признании натуралистических, природных сущностей — примордиальных основаниях родства, этноса, расы, языка, на квазиприродно истолкованном понятии классов, объективно сложившихся в общественном производстве, идентичности обществ и стран, объективно обусловленных своей историей и сложившимися в них архетипами. Согласно натуралистически-эссенциалистскому подходу схожесть характеристик идентичности вытекает из общих и объективно присущих психологических черт и установок, структурных характеристик общества и прочих «естественных» параметров, сохраняющих свою неизменность. Затруднительным для этой концепции является понимание изменений, в том числе и изменений идентичности.

Второй — конструктивистский подход к анализу идентичностей состоит в том, что идентичность рассматривается как конструируемая человеком и обществом. *Преобладающим в настоящее время стало то, что методология и когнитивные процедуры в целом*

оцениваются как фактор конструирования реальности и конструирования идентичности. Конструктивистская трактовка идентичности видит все коллективное как социальный артефакт, как целостность, возникающую, реконструируемую и мобилизуемую в соответствии с культурными кодами и центрами силы.

Натуралистически-эссенциалистское и конструктивистское направления расходятся: первое признает идентичность как естественную самоотждественность сущностей, второе — как исторически изменчивый и социально обусловленный, меняющийся, а нередко и сконструированный процесс нахождения самоотждественности социальных групп и индивидов.

Натуралистически-эссенциалистская теория идентичности «застывает» в опоре на объективные основы идентичностей. Конструктивизм отвергает мысль о естественном характере идентичности индивида. В отношении рас, наций, этноса, класса наблюдается достаточно устойчивое состояние идентичностей, которое признается и конструктивизмом. Однако в ходе социальных трансформаций, модернизаций, под влиянием глобализации и общения людей идентичности трансформируются. Возникает вопрос-дилемма: *управляема ли эта динамика или перестройка идентичностей является долговременным процессом, который протекает естественным путем?* Натуралистически-эссенциалистский подход отвергает вмешательства с целью переделки идентичностей, считая последние стабильными данностями. Конструктивисты, напротив, уверены в возможности переделки идентичностей.

Конструктивистская точка зрения оспаривает натуралистически-эссенциалистскую. Переход от натуралистически-эссенциалистского толкования идентичности как объективного свойства к конструктивистскому предполагает проективную функцию идентичности и возможность проектирования самой идентичности путем нахождения новых культурных граней, разбивающих прежние, казавшиеся неизблемыми и данными от природы, общности.

Эссенциалистски-натуралистический подход Брубейкер считает слишком жестким,

а конструктивистский — слишком мягким. Дилемма между первым и вторым оказалась в течение долгого времени непреодолимой. Брубейкер показывает, что идентичность скорее является категорией практики, чем категорией анализа, и выявляет ряд смыслов понятия «идентичность»: идентичность как основание социального и политического действия в качестве его инструментальной основы; как специфический коллективный феномен, характеризующий тождество членов группы; как ключевой аспект индивидуального или коллективного «Я»; как характеристика процесса развития коллективного самосознания; как признак конкуренции дискурсов идентичности, подчеркивающий *«нестабильную, множественную, колеблющуюся и фрагментарную природу современного «я»* (там же: 66).

Прежде это видение присутствовало в работах постмодернистов, сегодня — в работах, посвященных современному этапу современности, подвергшемуся нелинейным, турбулентным изменениям. З. Бауман считал себя постмодернистом, но сегодня он говорит не о постмодерне, а о «текущей современности» (Бауман, 2008; Bauman, 2011). То многообразие определений, которое используется для критики идентичности, по существу, не отрицает ее значимости, а указывает на меняющийся контекст применения понятия «идентичность».

В *историях конструирования новой идентичности*, которые исследованы при изучении процессов культурных изменений общества (рекультуризации) обществ, изменения «смысла себя», это более очевидно проявляется, чем в *теориях*. Как прежде критиковались натуралистически-эссенциалистские теории, так сейчас стали критиковаться конструктивистские. Но на деле те и другие сегодня взаимно обуславливают друг друга. Это касается не только теорий идентичности, но и многих других проблем, где разрыв вещи, явления и представления о нем становится неприемлемым (Режабек, 2006).

Выдающийся социолог Ш. Айзенштадт писал, во-первых, о влиянии онтологических и космологических предпосылок на идентичность, определяющих натуралистически-эссенциалистские границы конструирования

идентичности (пол, поколение, родство, территория, язык, раса); во-вторых, о правилах поведения, традициях, социальных практиках, задающих *границу коллективности*; и, в-третьих, об отношениях к области сакрального, возвышенного (Eisenstadt, 2003: 80).

Несмотря на критику теорий идентичности, сведения ее к ролям или сходным категориям, признания ее множественности, проблема идентичности для каждого человека, малой или большой социальной группы, страны практически столь значима, что от понятия «идентичность» не удастся отказаться. Появившиеся сомнения в том, что понятия и теории идентичности излишни, уходят в прошлое. Понятие идентичности распространилось на все уровни — микро (индивид), средний (малая социальная группа), макро (большие социальные группы — раса, этнос, нация, религиозная общность, класс, гендер), мега (культура, цивилизация, страна). Вновь усилился интерес к проблеме идентичности, избавляющийся от тривиальностей, наличие которых питало критику. *А в теориях идентичности стали видеть универсальный неинструментальный аппарат анализа ценностных ориентаций, культурного сходства и различия обществ, стран, цивилизаций, больших и малых социальных групп, индивидов* (Федотова, 2011: 41–50).

Сторонники концепции идентичности находят все необходимые и достаточные основания для существования и применения этих теорий, а ее противники постепенно начали понимать, что кажущееся на первый взгляд расплывчатым содержание понятия «идентичность», ее неинструментальность, коллизии политики идентичности выступают как новые формы социализации в меняющемся мире. Она является формой солидарности. Идентичность предстает как основа индивидуальной и социальной активности.

В 2000-е годы термин «идентичность» сконцентрировал в себе ряд противоречий. Центральным из них является противоречие между идентичностью «Я», индивида и коллективной идентичностью и другими более общими ее значениями — цивилизационными, культурными, национальными. Вопрос о том, форми-

руется ли идентичность «Я» как новая, свободно избираемая индивидом, или она складывается исходя из действия на индивида социально-культурных процессов, стал выражением ведущего противоречия. По мнению Э. Гидденса, индивиды формируют себя при рефлексивном отношении к социальным потокам (Giddens, 1991). Большинство социологов склоняются к тому, что сегодня индивид ищет себя, чтобы сформировать общество, измученное кризисами и переменами, ставшее «текучим». Э. Эллиотт исходит из способности индивида «изобретать», придумывать свою идентичность. Он пишет: «Сегодня есть две впечатляющих тенденции, управляющие производством идентичности в дорогах городов Запада. С одной стороны, люди сегодня придают невероятное значение презентациям своих идентичностей. Кто-то сходит с ума от идентичности звезды, отмеченной фитнесом, стройностью, молодостью и сексуальностью. Кто-то погружен в руководство по улучшению и изменению идентичности. Кто-то занят с головой своей эмоциональной жизнью и тратит деньги на психотерапию разного сорта. Некоторые захвачены косметической хирургией и проходят множество косметических процедур для новой версии своей идентичности. И многие фанатично устремляются в шопинг, в консьюмеризм за никогда не прекращающимся изменением идентичности. С другой стороны... с идентичностью сегодня все больше связываются прохождение через индивидуальные патологии, распространение дисфункциональных идентичностей — от анорексии и булемии до интернет-зависимости и избыточного непреодолимого шопинга. Кажется, дело обстоит так, как будто свобода открывать и экспериментировать с идентичностями, вызванная... интенсивной глобализацией, приводит к противоположному — так сказать, к сдвигу в пользу неидентичности или попыток закрыть (и даже уничтожить?) любую существующую идентичность» (Elliott, 2011: XII).

Споры идут о значимости идентичности, о способах измерения идентичности. Вместе с тем подчеркивается, что эмпирически идентичность очень важна и потому требует изучения и углубления концептуализации. *Чем же*

значима идентичность? Смысложизненными установками индивида. Способностью групп иметь смысловую общность. Способностью народов хранить свою культуру. Но уже при переходе к любому уровню коллективной идентичности — малой группе, семье, этносу, расе, нации, классу выявляется фундаментальная и универсальная роль идентичности как «конструирования символических и организационных границ социального взаимодействия» согласно определению Ш. Айзенштадта (Eisenstadt, 2003: 76).

Критики идентичности вынуждены признать ее важную функцию в выделении *процессуального, интерактивного* развития коллективного самопонимания, солидарности и групповой сплоченности, которые делают возможным коллективное действие. Это превращает идентичность, с одной стороны, в продукт социальной и политической активности и, с другой стороны, в основание последующих действий. Имеется другая точка зрения. Идентичность, будучи результатом многих соревнующихся дискурсов, выражает *нестабильность и изменчивость* нашего времени (Брубейкер, 2012: 75). Критический подход к концепциям идентичности в итоге направлен на то, чтобы представить их в адекватном новым реалиям XXI в. виде. В соответствии с нелинейным характером социально-культурных процессов идентичность приобретает нелинейный характер.

Но определения идентичности Э. Эриксоном как «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности» (Эриксон, 1996: 28), Ш. Айзенштадтом как конструирования границ социального взаимодействия (Eisenstadt, 2003), С. Хантингтоном как «смысла себя» (Huntington, 2004), П. Вагнером как непрерывности и цельности себя (Wagner, 2001: 63) и М. Кастельсом как «процесса конструирования смысла на основе определенного культурного свойства или соответствующей совокупности культурных свойств, которые обладают приоритетом по отношению к другим источникам смысла» (Castels, 2006: 62–63), М. Гуibernау как «ответа на ключевые вопросы как «Кто я?» и «Где я?» сохраняют свое фундаментальное значение. Последний пишет: «Идентичность есть дефиниция, интерпретация себя,

которая устанавливает, что и где происходит с индивидом одновременно в социальном и психологическом смысле. Все идентичности появляются вместе с системой социальных отношений и репрезентаций... Национальная идентичность есть коллективное чувство, основанное на вере в принадлежность к той же самой нации и обладании большинством атрибутов, отличных от других (Guibernau, 2008: 10–11). Э. Эллиотт подчеркивает новую свободу индивида в конструировании своей идентичности. Поэтому он определяет ее как «уникальную внутреннюю реальность «Я». Он пишет: «Это не означает, что социальные различия — класс, раса, гендер и т. п. — стали неважными. Подобные различия важны для понимания социального поля, на котором формируется и поддерживается идентичность. Но с более глубокой точки зрения нужно проникнуть из области социальных различий и принадлежности и войти в скрытые глубины «Я» (Elliott, 2011: XIV). Отечественные исследователи синтезируют эти определения, подчеркивая их конструктивно-регулятивную роль (В. В. Лапкин, И. С. Семенов и др.).

Политика идентичности как принцип конструктивизма

При конструктивистском подходе *идентичность политизируется и воплощается в политику идентичности, направленную на победу идентичности или идентичностей определенного типа*. Методологически значимым является выделение М. Кастельсом структуры идентичности, включающей легитимизирующую, оппозиционную и проективную идентичности. То есть (в терминах М. Кастельса) доминирует легитимизирующая идентичность.

Поскольку идентичность необходима индивидам и обществам как характеристика их самоидентичности, их «размышлений, предположений, верований и аффектов по вопросу о том, кто они и каково их отношение к другим и также к более широкому миру...» (Elliott, 2011: XXI), то общество имеет стремление к ее усовершенствованию, имеет определенную политику в отношении идентичности. В кавычках выше дано определение идентичности, которое предлагает один из самых известных

специалистов по данной проблеме Э. Эллиотт. По его мнению, идентичность не совпадает ни с идеями, ни с обычным опытом. Она представляет собой «скорее полусознательные мысли о себе» (там же: XXI). Она концентрирует многие другие проблемы — экологии, политики, сексуальной жизни, морали и становится центральной категорией конца XX — начала XXI в., характеризующей жизненные стратегии.

Термин «политика идентичности» возник в 1960-е годы при попытке преодолеть разрушающееся единство и найти способы его восстановления. Объектами политики идентичности стали раса и этничность, затем права женщин, сексуальных меньшинств, проблемы которых образовали «оси», как пишет Эллиотт, политики идентичности. Политика идентичности противостоит традиционной институциональной политике с ее требованиями к социальным изменениям, чтобы они осуществлялись в общем направлении, попыткой найти способы защиты партикулярных устремлений. Политика идентичности во многом противостоит государственной политике, направленной на интеграцию, и характеризуется активностью социальных групп, защищающих свою особость. Чаще всего политика идентичности есть следствие социальных движений, выступающих с требованиями учета их специфики и адекватной ей социальной политики.

Задаваясь вопросом о том, какова связь между модернити и появлением групп, настаивающих на своей исключительности, естественно сложившимся мультикультурализмом и политикой, поддерживающей партикулярную идентичность, приходится отказываться от эссенциалистски-натуралистических представлений об идентичности и переходить к проблеме ее конструирования. Оно предстает, во-первых, в форме самоутверждения коллективных идентичностей. Политика идентичности в отношении расы, этничности, мультикультурализма и пр. устанавливает связь между специфическими проявлениями опыта, идентичностями, культурами и политикой в широком смысле. Харьковские социологи О. А. Филиппова и Ю. Г. Сорока дают следующее определение политики идентичности в этом смысле:

«...это совокупность идей и действий, направленных на обретение стабильного статуса в структуре социальных отношений, целенаправленная деятельность за право на «имя» в структуре легитимных номинаций, а следовательно, — в структуре легитимных ресурсов. Политики идентичностей, вследствие множественности агентов, стратегий и привлекаемых ресурсов, создают основание инвариантности, множественности проектов идентичностей» (Филиппова, Сорока, 2009: 129–135). Но во втором смысле политика идентичности осуществляется не только самоутверждающимися группами, но и государством, стремящимся к конструированию общенациональных символов и самоотождествлений. Конструктивистская сущность политики идентичности присуща тому и другому подходу — установлению специфической идентичности групп в социальных движениях и попыткам государства и общества поддержать более универсальные основы формирования идентичности, в частности идентичность по гражданству. Это хорошо показывают Э. Эллиотт и Б. С. Тернер: «Фокус на различии прославляет разнообразие идентичностей в фрагментированном мире, отбросив устоявшуюся теорию равенства. Подчеркивание социального равенства является попыткой сохранить некоторые элементы просвещенческого универсализма, чтобы защитить справедливость» (Elliott, Turner, 2012: 23). Эллиотт утверждает, что политика идентичности, подчеркивающая многообразие, виновна в игнорировании справедливости и равенства, в то время как понятие универсальных прав слепо по отношению к локальным требованиям распознавания и уважения.

Термин «политика идентичности» появился в 1960–1970-е годы у П. Бурдьё в значении самоутверждения групп и плюрализма идентичности. В словаре терминов и понятий по проблеме идентичностей обращается внимание на преобладание на Западе концепции, которая подчеркивает ценность «практики утверждения ущемленными в социальном статусе меньшинствами и группами, объединяющимися как носители особых идентичностей (расовой, этнической и гендерной, а также конфессиональной и др.), права на общественное призна-

ние и легитимность» (Идентичность как категория..., 2011: 162). И именно в духе партикуляризации политика идентичности и рассматривается.

Вместе с тем есть, как мы уже отметили, и другая политика идентичности — направленная на универсализацию для преодоления кризиса идентичности. Эта политика идентичности представляет собой «совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности» (там же: 165). Тот и другой подход сопряжен с конструктивистскими тенденциями, в которые вовлечено множество факторов, в том числе «усилия разных субъектов по формированию совокупности представлений, ценностных ориентиров, политических притязаний, которые осуществляются в публичном пространстве. Очевидный факт, что ключевым игроком выступает государство, которое в проведении политики идентичности использует символическую политику, языковую политику и политику памяти» (Идентичность и социально-политические..., 2012: 72).

Прежде доминировавшая натуралистически-эссенциалистская трактовка идентичности сменилась конструктивистской трактовкой, ориентированной на определенную политику идентичности и отказ от примордиальных трактовок. Идентичность значима смысложизненными установками индивида, способностью групп иметь смысловую общность и способностью народов хранить свою культуру.

Конструктивистская сущность политики идентичности присуща как установлению специфической идентичности групп в социальных движениях, так и попыткам государства и общества поддержать более универсальные основы формирования идентичности, в частности идентичность по гражданству.

Работая с понятием «идентичность» и применяя новые эвристические методологии, ученые обнаруживают новые проблемы и новые аспекты исследования, находят новые парадигмы исследования.

Английская исследовательница М. Везерелл, одна из руководителей обширной ан-

глийской программы исследования идентичности пишет: «...для изучения идентичности сейчас интересное время (курсив наш. — Н. Ф.). Например, стали считать, что стабильные социальные идентичности, основанные на привычных социально-классовых иерархиях сменились множественными, фрагментированными и более неопределенными проектами идентичности, которые основаны на «жизненных стилях» и потребительских предпочтениях» (Wetherell, 2009: 1). Отмеченные Везерелл *инновации относятся прежде всего к методологии анализа идентичности*. В особенности они работают там, где прежние методологии обнаруживали конфликт и позиционировали его как непримиримый — классовый, этнический, расовый, между странами. Понятие идентичности явилось когнитивным средством смягчения конфликтов, уменьшения их антагонистического статуса. Подчеркнутые Везерелл особенности новой методологии уводят от старых конфликтов, обращая особое внимание на образовательный статус, образ жизни («жизненные стили»), тип консьюмеристского поведения, большее многообразие вариаций жизненного мира, его фрагментированность и многообразие контекстов.

Введя новую методологию «жизненных стилей», о которой пишет Везерелл, английские социологи применили концепцию габитуса и культурного капитала П. Бурдьё к условиям Англии и на этой основе дали новую трактовку среднего класса. Согласно этой методологии средний класс в меньшей мере характеризуется экономически и в большей мере — культурно: образованием, вкусами, интересами (Bennett et al., 2009; Федотова, 2010).

Проблема идентичности, тем не менее, пережив взлет, стала достаточно привычной и не дающей новых открытий. Процесс ее изучения сделал ряд полученных результатов рутинными, несмотря на то что наличие кризиса идентичности в большинстве стран мира и во многих сферах человеческой жизни и деятельности требовало новых решений. Приведенный Везерелл подход является примером конструктивистского толкования идентичности.

Обе трактовки объединены пониманием, что игнорирование значимости идентичности

и отказ от категории «идентичность» постепенно создали бы новый мир, в котором ни «смысла себя», ни символические и организационные связи при взаимодействии людей и социальных групп не имели бы значения. Представить себе такой обесмысленный мир невозможно, а проектировать его крайне нежелательно.

Процессуальный характер идентичности и одновременная работа натуралистически-эссенциалистской и конструктивистской программ ее исследования

Как показано выше, социологическая литература прежде подходила к изучению коллективной идентичности с *натуралистически-эссенциалистской точки зрения*, т. е. предполагала естественную данность ее сущности, поведение, определяемое тем, кем мы являемся с точки зрения нашей идентичности.

В американской литературе представлены также искусственные ситуации *предписывания* идентичности как способа применения конструктивистской методологии. Сошлемся на один такой случай, описанный в литературе. Студентов произвольно разделяют на группы, которым даются названия. Одной группе сообщается, что они убили гремучую змею и будут называться «Погремушки», а второй группе дали название «Орлы» (Акерлоф, Крэнтон, 2010). Предложенная классификация создала два типа *социальных категорий* («Погремушки» и «Орлы»), не предполагавших обязательности социальных столкновений. Но группы столкнулись между собой из-за закрепления за ними разных норм и идентичностей, включающих представления о «своих» и «чужих», а также из-за искусственного формирования идентичности, причем преимущественно в малой группе. Этот эксперимент ценен тем, что подобные искусственно противопоставленные группы могут вступить в диалог, во взаимодействие, т. е. идти от *предписанности* к *выбору*, направленному против предписания. Такой поворот в реальности зависит от обществ, в которых выделены данные группы. *На наш взгляд, подобный же механизм действует и при переходе от исходной идентичности на ее примордиальной стадии*

в традиционном обществе к новым идентичностям в естественно-исторически сложившихся группах — этносе, классе и пр. Конструктивистская концепция в большей мере подчеркивает значение идентичностей в современном (*modern*) обществе, чем в традиционном, вложенную в это понятие динамику и инновативность. Но при этом сохраняется «противоречие между двумя ликами модернити — ее культурным импульсом и ее социальным проектом... Многими предполагается, что социальное может прийти к своему концу, будучи разрушенным бесконечной фрагментацией... Именно поэтому обращение к идентичности не просто связано с вопросом о том, что нас больше, чем наших предков, интересует, кто мы такие. Скорее, нам как раз намного труднее ответить на этот вопрос и удовлетворительно удерживать нашу идентичность в рамках повседневной жизни, добиваясь при этом ее признания другими», — справедливо отмечает Г. Я. Миненков (Миненков: Электр. ресурс).

Но ни эссенциалистская, ни конструктивистская точки зрения не могут решить вопрос о возможностях и границах изменения идентичностей. Недостатки конструктивистской теории заключаются не в том, что она видит идентичность изменчивой, а в том, что она преувеличивает значение когнитивных практик, зависимость идентичности от способов идентификации, не доверяя объективной стороне изменений идентичности. Равно как недостатки натуралистически-эссенциалистской позиции состоят в абсолютизации объективных основ идентичности. Более адекватной является точка зрения, в которой признаются *границы конструирования идентичностей*, состоящие в их натуралистически-эссенциалистских основаниях. Влияние эссенциалистских предпосылок постоянно сказывается на планах перестройки идентичностей или даже срывает их деконструкции, которые часто предлагаются реформаторами. Выше мы уже обратили внимание на напряженные отношения между натуралистически-эссенциалистским и конструктивистским подходом к идентичности. «Если идентичность является судьбой, тогда она часть объективной реальности. Однако если она выбирается, тогда она в пер-

вую очередь одна из многих возможностей и как таковая не является пока еще реальной. Если термин «идентичность» используется для выражения автономии человека, тогда он реален; если этот дискурс сам по себе кажется сконструированным для автономии человека и для доминирования над другими, тогда идентичность является проектом, а не частью данного мира» (Wagner, 2001: 74). Переход к массовому обществу не отменяет, а видоизменяет проблему автономии индивида, а значит, проблему его идентичности, равно как проблему идентичности социальных групп, обществ, стран и, как стали говорить в настоящее время несколько метафорически, идентичность культур и цивилизаций, которая имеет в виду идентичность людей определенной культуры или цивилизации. Кроме того, выше мы уже обратили внимание на напряженные отношения между натуралистически-эссенциалистским и конструктивистским подходами к идентичности. Путем введения понятий о массовом обществе, различиях, автономии, многообразии взаимосвязь натуралистически-эссенциалистского и конструктивистского подходов выступает как взаимно определяющие границы друг друга.

Понятие идентичности как концепта современности включает, помимо онтологических оснований, большие конструктивистские возможности, перестраивает многие понятия социальных наук, в частности такие, как класс, раса, этнос, нация. Они смешивают понятия теории и термины практики с присущими ей словами обыденного языка или специализированной деятельности. *Практика остается рамкой натуралистически-эссенциалистского восприятия, теория стремится к конструктивистскому идеалу.* Но весьма часто теория и политика идентичности могут быть направлены на поддержание общей идентичности или на поддержание разнообразия идентичностей.

Но дилемма «натуралистический эссенциализм» — «конструктивизм» разрушается их совместным практическим применением для поддержания основы идентичностей, заложенной в историческом опыте, и нахождения новых идентичностей — легитимизирую-

щих, оппозиционных и проективных. Айзенштадт пишет: «...конструирование коллективной идентичности формируется, как и большинство сфер социальной активности, четкими кодами, укорененными в онтологических и космологических предпосылках и концепциях социального порядка, которые существуют во всех обществах» (Eisenstadt, 2003: 79). *Методология этого соединения эссенциализма и конструктивизма заложена Ш. Айзенштадтом, но фактически не была применена в отечественной социологии, да и на Западе возобладало кажущееся политически более актуальным конструктивистское видение, а не этот фундаментальный подход.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акерлоф, Дж. А., Крэнтон, Р. Е. (2010) Экономика идентичности. М.: Карьера Пресс.
- Бауман, З. (2008) Текучая современность. СПб.: Питер.
- Брубейкер, Р. (2012) Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке (2011) // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Т. 2. С. 72–98.
- Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий (2011) // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН. Т. 1. С. 162–168.
- Кравченко, С. А. (2008) Нелинейная динамика: парадоксальные разрывы и синтезы социума // Вестник МГИМО-Университета. № 2. С. 66–76.
- Миненков, Г. Я. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории [Электр. ресурс] // Belintellectuals. Интеллектуальное сообщество Беларуси. URL: http://www.belintellectuals.eu/media/library/_.doc (дата обращения: 17.08.2011).
- Пригожин, И., Стенгерс, И. (1986) Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. А. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс.
- Режабек, Е. Я. (2006) Как возможно познание внешнего мира? К критике философского конструктивизма // Эпистемология и философия науки. Т. 10. № 4. С. 105–128.
- Федотова, В. Г. (2010) Экология и средний класс // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 103–111.

Федотова, Н. Н. (2011) Процессуальный характер идентичности: факторы изменения // ПОИСК. №2. С. 41–50.

Филиппова, О. А., Сорока, Ю. Г. (2009) Политики идентичности: антропологические методы и социокультурные интерпретации // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : збірник наукових праць. Харків : Вид. центр Харківського університету. Вып. 15. С. 129–135.

Эрикссон, Э. (1996) Идентичность: юность и кризис / пер. с англ., общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М. : Прогресс.

Bauman, Z. (2011) Culture in a Liquid Modern World. Cambridge, UK ; Malden, MA : Polity in Association with the National Audiovisual Institute.

Bennett, T. (2009) Culture, Class, Distinction / ed. by T. Bennett, M. Savage, E. Silva et al. L. ; N. Y. : Routledge.

Castels, M. (2006) Globalisation and Identity. A Comparative Perspective // Transfer: Journal of Contemporary Culture. №1. P. 56–66.

Eisenstadt, S. N. (2003) The Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordality and Sacrality — Some Analytical and Comparative Indications // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vol. 1. A Collection of Essays by S. N. Eisenstadt. Leiden : Brill. P. 75–134.

Elliott, A. (2011) Introduction // Routledge Handbook of Identity Studies. Abingdon ; N. Y. : Routledge. P. XII–XXIV.

Elliott, A., Turner, B. (2012) On Society. Cambridge, UK : Polity.

Giddens, A. (1991) Modernity and Self-Identity: Self and Society in Late Modern Age. Cambridge : Polity Press.

Guibernau, M. (2008) The Identity of Nations. Cambridge ; Malden : Polity Press.

Huntington, S. (2004) Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N. Y. ; L. ; Toronto ; Sydney : Simon & Schuster.

Sen, A. (2006) Identity and Violence: The Illusion of Destiny. N. Y. ; L. : W. W. Norton & Company Ltd.

Wagner, P. (2001) Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory. L. ; Thousand Oaks ; New Delhi : Sage Publications.

Wetherell, M. (2009) Introduction: Negotiating Liveable Lives — Identity in Contemporary Britain // Identity in the 21st Century. New Trends in Changing Times / ed. by M. Wetherell. Basingstoke, Hampshire ; N. Y. : Palgrave Macmillan. P. 1–18.

*THE CONCEPTIONS OF IDENTITY
IN THE CONTEXT OF NONLINEAR
SOCIO-CULTURAL DYNAMICS*

N. N. Fedotova

*(Moscow State Institute of International Relations
[MGIMO-University])*

The paper focuses on the crisis of identity in the 21st century associated with the nonlinear socio-cultural dynamics of society. The reflection of the crisis in sociological discourse leads either to the transition to the pluralistic interpretations of identity or the rejection of the entire concept of identity. The author proposes a conception of the processual character of identity.

Keywords: identity, identity crisis, processual character of identity, nonlinear socio-cultural dynamics, naturalistic essentialism, constructivism.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Akerlof, Dzh. A., Krenton, R. E. (2010) Ekonomika identichnosti. M. : Kar'era Press.

Bauman, Z. (2008) Tekuchaia sovremennost'. SPb. : Piter.

Brubeiker, R. (2012) Etnichnost' bez grupp. M. : Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.

Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniia v XXI veke (2011) // Politicheskaiia identichnost' i politika identichnosti : v 2 t. / otv. red. I. S. Semenenko. M. : Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN). T. 2. S. 72–98.

Identichnost' kak kategoriia politicheskoi nauki: slovar' terminov i poniatii (2011) // Politicheskaiia identichnost' i politika identichnosti : v 2 t. / otv. red. I. S. Semenenko. M. : ROSSPEN. T. 1. S. 162–168.

Kravchenko, S. A. (2008) Nelineinaia dinamika: paradoksal'nye razryvy i sintezy sotsiuma // Vestnik MGIMO-Universiteta. № 2. С. 66–76.

Minenkov, G. Ia. Politika identichnosti: vzgliad sovremennoi sotsial'noi teorii [Elektr. resurs] // Belintellectuals. Intellektual'noe soobshchestvo Belarusi. URL: http://www.belintellectuals.eu/media/library/_._._.doc (data obrashcheniia: 17.08.2011).

Prigozhin, I., Stengers, I. (1986) Poriadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodou / obshch. red. V. I. Arshinova, Iu. L. Klimontovicha, Iu. V. Sachkova. M. : Progress.

Rezhabek, E. Ia. (2006) Kak vozmozhno poznanie vneshnego mira? K kritike filosofskogo konstruktivizma // Epistemologiiia i filosofiiia nauki. T. 10. №4. S. 105–128.

Fedotova, V. G. (2010) Ekologiiia i srednii klass // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3. S. 103–111.

Fedotova, N. N. (2011) Protseessual'nyi kharakter identichnosti: faktory izmeneniia // POISK. №2. С. 41–50.

Дата поступления: 15.02.2013 г.

- Filippova, O. A., Soroka, Iu. G. (2009) *Politiki identichnosti: antropologicheskie metody i sotsiokul'turnye interpretatsii // Metodologiya, teoriya ta praktika sotsiologichnogo analizu suchasnogo suspil'stva : zbirnik naukovikh prats'*. Kharkiv : Vid. tsentr Kharkivs'kogo universitetu. Vyp. 15. S. 129–135.
- Erikson, E. (1996) *Identichnost': iunost' i krizis / per. s angl., obshch. red. i predisl. A. V. Tolstykh*. M. : Progress.
- Bauman, Z. (2011) *Culture in a Liquid Modern World*. Cambridge, UK ; Malden, MA : Polity in Association with the National Audiovisual Institute.
- Bennett, T. (2009) *Culture, Class, Distinction / ed. by T. Bennett, M. Savage, E. Silva et al. L. ; N. Y. : Routledge*.
- Castels, M. (2006) *Globalisation and Identity. A Comparative Perspective // Transfer: Journal of Contemporary Culture*. №1. P. 56–66.
- Eisenstadt, S. N. (2003) *The Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordality and Sacrality — Some Analytical and Comparative Indications // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vol. 1. A Collection of Essays by S. N. Eisenstadt*. Leiden : Brill. P. 75–134.
- Elliott, A. (2011) *Introduction // Routledge Handbook of Identity Studies*. Abingdon ; N. Y. : Routledge. P. XII–XXIV.
- Elliott, A., Turner, B. (2012) *On Society*. Cambridge, UK : Polity.
- Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in Late Modern Age*. Cambridge : Polity Press.
- Guibernau, M. (2008) *The Identity of Nations*. Cambridge ; Malden : Polity Press.
- Huntington, S. (2004) *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. N. Y. ; L. ; Toronto ; Sydney : Simon & Schuster.
- Sen, A. (2006) *Identity and Violence: The Illusion of Destiny*. N. Y. ; L. : W. W. Norton & Company Ltd.
- Wagner, P. (2001) *Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory*. L. ; Thousand Oaks ; New Delhi : Sage Publications.
- Wetherell, M. (2009) *Introduction: Negotiating Liveable Lives — Identity in Contemporary Britain // Identity in the 21st Century. New Trends in Changing Times / ed. by M. Wetherell*. Basingstoke, Hampshire ; N. Y. : Palgrave Macmillan. P. 1–18.